

„НАМ БЫ ЗАБОТЫ ПЕЧОРИНА“

«...КНИГА ОБЛАДАЕТ СПОСОБНОСТЬЮ ДОКАЗЫВАТЬ МНЕ О ЧЕЛОВЕКЕ ТО, ЧЕГО Я НЕ ВИЖУ, НЕ ЗНАЮ В НЕМ».

МАКСИМ ГОРЬКИЙ.

Урок литературы ведёт Игорь ИЛЬИНСКИЙ, народный артист СССР

— Игорь Владимирович, все знают, что вы, актёр с огромной комедийной славой, берётесь не только за смешное. Читаете со сцены про Карла Ивановича из «Отрочества» Толстого или, например, «Душечку» Чехова...

ИЛЬИНСКИЙ:

— Это правда. Однажды один актёр так меня раззадорил — сказал, что никто не станет слушать со сцены «Старосветских помещиков» Гоголя — это ведь целых тридцать минут! И я на спор вот уже который год их читаю со сцены. А что, неужто есть необходимость «защищать» от кого-нибудь Гоголя или Лермонтова? Готов помочь!

— Фразу «Нам бы заботы Печорина» мы услышали однажды на уроке литературы. Представьте, от очень хорошего ученика. Он про Печорина «всё выучил». Претензий не было. Как представитель XX века он признаёт, что, собственно, каждый школьный предмет несёт свою сверхзадачу: математика — кроме знания математики это ещё и гимнастика ума. История — кроме самой истории — школа убеждений. А литература?.. Как доказать ему, что это не Печорин, не Лермонтов, а наука о нём самом? Так сказать, алгебра души. В общем, человековедение...

ИЛЬИНСКИЙ:

— По правде сказать, именно наш брат, актёр, принимает близко к сердцу каждого героя, которого играл. За актёрскую жизнь у меня образовалась своя «семья» из персонажей, которых я играл, — и смешных, и, как вы знаете, не смешных. И хотя среди них, увы, Печорина не было, «заботы» каждого я готов защищать...

— Печорин — только к примеру. По программе — это восьмой класс. Но читают ребята Лермонтова и гораздо раньше, хотя «Героя нашего времени», как и другие книги, библиотекари стараются выдавать строго по возрасту. Скажите, а это правильно, что читать надо по порядку, когда «проходят»? Возьмите любой класс — кого-то прозвали Дон Кихотом, кого-то Штирлицем, кого-то Обломовым... Значит, кто-то «Дон Кихота» читал сам по себе. Без спроса у библиотекаря...

ИЛЬИНСКИЙ:

— Хорошие книги человек должен читать, как говорится, каждую в свой час, и лучше «невпопад». «Главные» книжки детства — пусть каждый поймёт это, как хочет, — должны быть прочитаны не тогда, когда их уже «проходят в школе», а сами по себе. Раньше, чем надо по программе? Ничего страшного. Главное — с героем познакомиться «наедине», как говорится, на короткую ногу... Мне-то в этом смысле повезло. Отец у меня был обыкновенным доктором. Но, как все хорошие папы, он изо всех сил старался, чтобы я попал в какую-нибудь особенную гимназию, где учились дети побогаче. У крыльца нашей

гимназии поутру останавливались шикарные экипажи. Гимназисты прибывали и на собственных рысаках. Я потихоньку пробирался ко входу пешком. (Сейчас, кстати, в этом здании находится московская 110-я школа). Не могу сказать, что мои со товарищи так уж усердно грызли науки, — больше разговоров было о развлечениях, о катках, о спорте, который входил в моду. Отец, как видно, дух этот уловил. И до сих пор ему я благодарен за наши домашние вечера, когда отец брал книжку и мы с ним читали вслух по очереди. Отец играл в любительских спектаклях, вообще, видимо, от природы был отличным актёром. Читал он мастерски — был перечитан нами весь Гоголь, Марк Твен, «Пиквикский клуб» Дикенса, Джером Джером... Я не боюсь, что ваш читатель наткнётся сейчас на незнакомое имя. Наткнётся — пусть прочтёт!

— Игорь Владимирович... а телевизор? Сейчас вечерами в редкой семье читают вслух.

ИЛЬИНСКИЙ:

— Верно. Хотя и телевидение не стоит так уж ругать. Нам, актёрам, телевидение раскрыло удивительнейшую возможность... читать ребятам нашим вслух! Экран подарил мне много. Целые серии рассказов Чехова, серии гоголевских вещей, Толстого — многое мне хотелось прочитать именно с телеэкрана. В рассказе «Пересолил» и в других вещах сыграть одновременно несколько ролей сразу. Телевизор вовсе не исключает и этой радости — «книжки вслух». Жаль, что эта традиция пока не «вошла опять в моду»... Так же, как, я уверен, войдёт снова в моду то, чем мы, гимназисты, щеголяли в своё время. Соперничество всегда ведь есть. Скажем, трудно сейчас перещеголять парня в хороших джинсах или владельца модных пластинок, которых так просто нигде не купишь. Хорошо бы плюс к этому то, чем пытались соперничать мы... Стихи! Модно было знать их много. Наизусть. Находились виртуозы, знавшие всего «Демона», поэмы Блока, Есенина...

— Мода всегда есть! Учителя говорят, что симпатии у ребят бывают неожиданные. Например, Бабу Ягу считают положительным героем... Она всёёё, её любят. Находятся поклонники и у Молчалина — его считают почему-то «деловым парнем»... Из-за Онегина спорят чуть не до драки.

ИЛЬИНСКИЙ:

— Своё мнение! Да без этого я не мыслю человека. И каждый актёр всегда ищет как бы своего Хлестакова, своего Молчалина, ищет своё толкование образа. Но тут есть своё «но»... Расскажу забавный случай. Както в своё время проходил международный конкурс на лучшее исполнение Чарли Чаплина. Сам Чаплин тоже принимал в нём участие. И занял... третье место! Но расстроился он очень! Не

из-за места, конечно. А из-за того, что для публики, для жюри главней оказались внешняя техника, трюки — тут предела искусству нет, — а не внутренняя суть Чарли, то главное, из-за чего и полюбил его весь мир, его полный горечи юмор. Поэтому я за своё восприятие каждого литературного героя, за очень личное, непохожее. Но это не значит, что всех героев надо «переосмысливать», вывертывать наизнанку. Вот, скажем, на сцену выпустят сразу семь Гамлетов. Или сразу нескольких Теркинских, как иной раз увидишь в театре, и думаешь: фокус это? А если нет, то как ты, зритель, себя почувствуешь?

Мне вот повезло особенно в том, что довелось играть и Хлестакова, и Городничего. Я вникал всё больше — как старается словить Хлестаков и как Городничий принимает этот поединок. Чем больше я вчитывался в текст, тем больше удивлялся. Ни одного лишнего не то что слова — движения, шага! Недаром все эти сцены смотрятся по многу раз и никогда не надоедают. У великих писателей каждого героя можно, как человека, узнать всю жизнь.

— Кстати говоря, когда однажды кибернетик решил создать робота, способного переживать разные эмоции, то «программой» служили отрывки из книг, из классиков, где были описаны у героев эти эмоции. Точнее и вернее ничего быть не могло, по мнению конструкторов.

ИЛЬИНСКИЙ:

— Не будем думать, что ребятам XX века ближе человек одноплановый, которому всё в жизни понятно. Супермен, так сказать. Деловой, хваткий. Я думаю, что тонкость душевная, может быть, даже и усложнённая, способность понимать друг друга — это нужнее человеку современному, чем многое другое. Может быть, заботы Печорина добавят лишние струны, как сказали бы музыканты, к тому, что составляет внутренний мир человека...

Под конец расскажу, как один мальчик после выступления подошёл ко мне и пожаловался: «А у нас в классе вот ни одной Душечки нет. Все девочки кричат и командуют». «А тебе что, нравится Душечка?» — спросил я. «Нравится», — сказал мальчик, — на такой бы я даже женился...» Между прочим, про Чехова рассказывают, что он хотел посмеяться над Душечкой, но якобы потом «бог поэзии» не дал ему сделать это. И вот теперь я тоже жалею его Душечку и люблю. И когда этот рассказ читаю со сцены, то не стараюсь смешить... Русская литература велика и прекрасна любовью к человеку, постоянством веры в него. А человек сегодняшний обязательно должен владеть «алгеброй души», способностью понимать Человека.

Записала урок
А. БЕЗБОРОВА.

Рис. А. БИСТИ.

«Мой голос - только это народного голоса»

Народный писатель, академик, лауреат Государственных премий, Герой Социалистического Труда — так отметила Родина литературную деятельность Андрея Упита, столетний юбилей которого отмечает вся страна. За долгие годы труда он создал целую библиотеку романов, новелл и рассказов, исторических драм и веселых комедий. И все эти произведения пронизаны глубоким знанием жизни, любовью к народу. В 1917 году Андрей Упит стал коммунистом. Его писательский и гражданский подвиг отмечен пятью орденами Ленина, четырьмя орденами Трудового Красного Знамени.

Большой, по-осеннему грустный сад. Дорожка, обсаженная могучими тополями, ведет к дому. За окном свет. Скрипнула дверь, и... вот он передо мной, рабочий кабинет писателя. Большой стол, книги, раскрытый журнал... На кресле — пиджак. Кажется, что вот сейчас выйдет на встречу сам хозяин. Перехожу из комнаты в комнату. Простые вещи, обычный деревенский дом. Книжки, рукописи. Склоняюсь над одной из них.

«Земля зеленая», — объясняет мне молодая научная сотрудница Айя Рудзите.

До музея я побывала в школе. Здесь и познакомилась с членами секции гидов школьного научного общества «Искатель». Секция эта состоит в основном из старшеклассников, но есть у нее пионерский резерв. Тот, кто хочет стать гидом, должен многому научиться и представить на рассмотрение школьного ученого совета лекцию или реферат. Только после этого он завоеует право вести экскурсии «По местам, связанным с жизнью и творчеством А. Упита».

В романах «На грани веков», «Робежники», «Земля зеленая» писатель описал Скривери, жизнь соседних хуторян. «Я хотел показать эпоху в границах одной волости», — отмечал он.

Около десяти тысяч школьников из разных городов и сел Латвии побывали в этом году в музее Упита. Экскурсоводы скриверской школы

познакомили их и с местами, изображенными в романе «Земля зеленая».

У одиннадцатиклассницы Бениты Яунземе группа сегодня необычная. И экскурсия, можно сказать, учебная — для будущих гидов. Шестиклассники Астри Залите, Вайра и Регина Размисловы, Ирина Федорченко, Янис Порлетис, Вася Свешников и два Модриса — Тылтинш и Рутис слушают ее с карандашами и ручками в руках.

Стрелка часов, которые стоят в кабинете на письменном столе, остановилась на цифре пять. Пять часов утра — время, когда обычно начинается рабочий день писателя, а продолжался иногда 12—14 часов, но при этом Упит успевал еще заниматься и другими делами.

Он любил физический труд. Сам колот дрова. Посадил фруктовый сад и ухаживал за ним. А осенью, когда пришла пора собирать урожай, зазывал в дом гостей — на яблоки. Часто забегали сюда и ребяташки, сверстники Вайры, Яниса, Васи.

Мы стоим в саду, где сохранилось немало деревьев, выращенных Упитом. А где-то за зарослями кустарника, за дальней изгородью начинаются поля, убагающие к Даугаве. В 1945 году здесь был создан колхоз «Земля зеленая», объединивший скриверских бедняков-крестьян. Писатель пристально вглядывался в новую жизнь. У него была щедрая душа человека, привыкшего делиться с людьми всеми своими богатствами. Он нес людям свет знаний, свет искусства. И никогда, ни на один миг не разрывались его связи с родной землей, с народом. «Все лучшее, что вкладываю в свои литературные произведения, идет из души народной», — говорил А. Упит. — Мой голос — только эхо народного голоса».

Вечером в опустевшей школе я посмотрела еще один упитовский музей, созданный руками ребят. И подумала: если человека так чтут и любят дети, значит, память о нем будет очень долгой...

Т. ЯССОН.
Латвийская ССР,
г. Скривери.
Фото Ю. КУПРИЯНОВА.

После этого незнакомец провёл нас дальше, и наконец мы вошли в круглый зал, где за столом в виде подковы заседали пятеро таких же инопланетян в красном.

Сопровождавший нас дрейнаусец предложил нам удобные сиденья против подковообразного стола.

Я и сейчас помню наше с Юркой тогда ощущение, что всё это не настоящее, а просто какая-то сложная игра или, быть может, хорошо продуманная пьеса-представление, рассчитанное на нас двоих. Пришельцы были похожи на обычных землян. Разницу я заметил только тогда, когда председательствующий за столом-подковой встал и обратился к нам с краткой речью. Глаза его совсем по-кошачьи от яркого света сузились в палочки-веретёнка, а когда он на мгновение поворачивал голову в мало освещённую сторону, зрачки его снова расширялись.

Это было первое, что поразило меня, и я невольно спрашивал себя: «Почему же у Янаты-Тани не было таких глаз?»

— Уважаемые земляне, — обратился к нам председательствующий, — да будет вам известно, что мы уже не первый раз навещаем вашу планету с самыми хорошими намерениями. Делаем мы это, как у вас говорят, «инкогнито», не посвящая хозяев планеты в наши работы, для того, чтобы вся информация была искренней, без примеси субъективных добавок... — Он на секунду отвернулся, и зрачки его, расширяясь, как бы вспыхнули мрачным огнём. — Очень прошу верить нам, так как в будущем наша планета как стоящая на более высокой ступени цивилизации окажет вам помощь в овладении всем богатством научных знаний на... Дрейнау. Чтобы привести пример наших знаний, могу сказать, что сейчас вы находитесь в таком месте, где вас найти совершенно не под силу кому-либо из землян. — Председательствующий снова как-то натянуто улыбнулся. — Вы находитесь в... четвертом измерении. Вам понятно, что это такое?

Мы с Юркой растерянно переглянулись.

— Вот те на... — протянул мой друг. Не знаю, какой чёрт меня пихнул под локоть в этот момент, то ли в порядке защиты, то ли в порядке обиды за нашу культуру, я про себя махнул на всё — врать так врать!

— Подумаешь... четвертое измерение! А вот мой дядя...

— Что такое «дядя»? — упёрся в меня взором председательствующий.

— Ну, это... который... мамин брат. Так вот он разработал перемещение материи в глобальных порядках!

Юрка посмотрел на меня ошалело, рот его был открыт. Надо было немедленно продолжать свою импровизацию, потому что всем своим видом Юрка давал знать, что вот-вот сейчас ляпнет своё коронное: «Во врёт так врёт!»

— ...Перемещение материи в глобальных порядках... Как бы это объяснить? Если произвести глобальное уменьшение галактики, то она займёт свой следующий порядок.

Продолжение. Начало см. «Пионерскую правду» №№ 94—96.

(Фантастическая повесть)

ковый размер, станет величиной со среднюю планету, составляющие её планеты и звёзды уменьшатся до размеров арбуза. — Тут пришлось снова объяснять нашим «допросчикам», что такое арбуз.

— А... если такое излучение направить... на нас? — спросил самый младший из заседателей.

— Тогда вы все станете размером с инфузорию туфельку, — не моргнув глазом, отлил я последнюю «спулю».

Все шестеро дрейнаусцев, включая и нашего сопровождающего, о чём-то горячо

вопросы, председательствующий закрыл перед собой нечто вроде небольшого книжечка и, вздохнув, произнёс:

— Прекрасно. — И глаза его уже в который раз сверкнули сокращающимися зрачками. — Вот и всё, наши молодые, но весьма уважаемые друзья. Сегодня же мы улетаем обратно, чтобы спустя некоторое время прилететь снова и принести для землян оч-чень пр-приятные вещи. Идите нас. Будете или нет вы рассказывать о сегодняшнем разговоре, это нас не волнует. На месте ваших учёных я бы вам не поверил и послал вас к психиатрам на проверку.

стали рассуждать на своём языке, а Юрка, склонив голову набок, в это время разглядывал меня так, будто вместо меня на стуле сидел тоже представитель с другой планеты. Бедный мой друг, как он переживал! Он же прекрасно знал, что я всегда был не способен на враньё, а тут такой поток лжи, который впору только разве Мюнхаузену.

— Итак, наши молодые, но уважаемые друзья, — снова заговорил кошачьеглазый глава инопланетного «конклава», — возвращаюсь к началу нашего разговора. Нам хотелось бы узнать о вашей планете как можно больше. Прошу вас в порядке одолжения и ради науки рассказать всё, что вы знаете о своей планете. — С этими словами он направил на меня оранжевый рефлектор, и я сразу забыл о том, что собирался сам спросить у них: «Почему же они не могли узнать обо всём этом у Янаты?»

Вместо этого я, как болтливый попугай, выдавал все свои знания, полученные в школе... Надо сказать, что Юрка в этом отношении перещеголял меня: он сразу же сообщил всё о космонавтах, спутниках и первом совместном полёте с американцами «Союз — Аполлон». В общем, в своей откровенности мы настолько разошлись, что спроси они меня сейчас о «глобальном перемещении», так я бы, наверное, сознался во враньё и, чего доброго, попросил извинения. Во всём виноват, по-моему, был этот оранжевый рефлектор, нечто вроде американского «детектора лжи», только в более гуманном варианте.

Когда наши с Юркой познания были исчерпаны и мы с ним ответили по мере своих мозговых запасов на все

Пр-приятных дней, хороших настроеньев! — закончил он. «Наст-р-р-роевьев», — мысленно передразнил я его, так как ко мне после окончания оранжевого облучения возвратилось недоверчиво-неприязненное отношение к этим инопланетянам.

В сопровождении того же дрейнаусца мы с Юркой снова очутились на свежем морозном воздухе.

— Что-то быстро они нас выпроводили, — буркнул Юрка.

— А ты здоров врать-то! Вот бы никогда не подумал, — то ли восхищённо, то ли укоризненно сказал он.

Через каких-то полчаса мы уже подъезжали на электричке к дому. Возле выхода ехавший с нами милиционер вдруг взгляделся в нас и строго спросил: «Боря?.. Юра?..»

— Ага, — только и могли мы произнести от удивления.

— А ну, пошли со мной! Двое суток вас ищем, всю милицию на ноги подняли, а они на электричке раскатываются, мороженым наслаждаются, — кивнул он на наши эскимо, только что взятые у разносчицы.

— Как двое суток? — возмущённо запротестовали мы в два голоса. — Мы только что из леса!

— Совершенно верно, парнишки, два дня назад вы и пропали во время экскурсии в лесу.

— Во врёт! — посмотрел Юрка на милиционера.

— Не врёт, — толкнув в бок приятеля, прошептал я. — Ты что думаешь, всю историю Земли со всеми Архимедами, Клеопатрами и Александрями Македонскими можно за пару часов рассказать? Мы же весь школьный курс им пересказали!

(Продолжение следует)